

Глава 5

**СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ
ВОЕННОГО ПРАВА**

§ 1. ВОЕННОЕ ПРАВО И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

Реконструкция основных подходов к обоснованию роли права в его соотношении со значением государственно-властных институтов является неотъемлемым условием понимания цивилизационных процессов государства и права в условиях современности и поиска адекватных средств и способов преодоления существующих угроз и вызовов¹.

Серьезной теоретической проблемой современной военно-правовой науки является вопрос соотношения военного права и военной политики. Нередко перед политиками, органами государственной власти и управления при разрешении многообразных задач государственного строительства встает непростой вопрос: право определяет политику государства или же, наоборот, политика определяет право? Может ли политическая целесообразность оправдывать действия, идущие вразрез с действующим в стране правом?

В полной мере данные непростые вопросы касаются сферы обороны страны и военной безопасности государства, военного строительства. Попробуем в связи с этим выяснить соотношение понятий «военная политика» и «военное право».

Понятие «политика» означает деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других общественных

¹ *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 10.

организаций, общественных группировок, определяемую их интересами и целями¹. В буквальном переводе с греческого слово «политика» означает то, что относится к государству, его устройству, сущности, форме, содержанию, развитию.

Государственная власть имеет социально-необходимый и всеобщий для определенной территории характер, вследствие чего политика государства формируется из необходимости защиты интересов всего населения, проживающего на данной территории. Для достижения поставленных целей государство разрешает многообразные противоречия, обусловленные наличием в обществе различных интересов, опираясь на силу, мощь специальных учреждений (полицию, армию)², т. е. необходимым инструментом реализации политики государства является государственный аппарат, включающий в числе прочих институтов армию, вооруженные силы.

В связи с изложенным выше составной частью общей системы государственной политики является военная политика, под которой в самом общем виде понимается система общественных взглядов, отношений и учреждений, а также определяемая ими деятельность государства и его отдельных структур, других социально-политических институтов общества, направленная на создание, подготовку и применение военной силы в политических целях³. Главный смысл и предназначение военной политики состоят в определении возможности и пределов применения военного насилия в политических целях, руководстве военным строительством, планировании военных действий, ведении вооруженной борьбы. Сферу действия военной политики составляют властные отношения, непосредственно связанные с войной и армией.

В научной и энциклопедической литературе содержатся различные трактовки рассматриваемого понятия:

а) электронный военно-энциклопедический словарь определяет военную политику как совокупность действий и мер органов власти, институтов и структур государства по предотвращению войны,

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 478.

² Шернаев В. И. Военная политика в политическом процессе современной России: дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2007. С. 50.

³ Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 6. М., 2002. С. 476.

военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов, сдерживанию агрессии, отражению вооруженных нападений и разгрому агрессора, организации военного строительства и подготовки вооруженных сил, населения и экономики страны к защите ее национальных интересов¹;

б) военно-юридический энциклопедический словарь различает военную политику мирного времени и военную политику военного времени:

— военная политика мирного времени — политика, которая осуществляется государством в оборонной области в условиях мира в целях обеспечения национальной и международной безопасности, укрепления его военно-политических и военно-стратегических позиций, подготовки государства и вооруженных сил к отражению возможных военных провокаций и потенциальной агрессии;

— военная политика военного времени — политика, которая формируется и осуществляется в соответствии с конкретными целями и планами ведения войны, реально складывающейся военно-политической обстановкой, результатами военных действий и развитием военно-экономического противоборства сторон²;

в) по мнению В.И. Лутовинова, военная политика — это составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением военных средств для достижения определенных политических целей по обеспечению военной безопасности страны³;

г) И.В. Кириллов полагает, что военная политика — это совокупность руководящих политических и государственных решений и действий, которые направлены на создание военного потенциала и достижение политических целей при помощи военных средств⁴.

Главным субъектом военной политики являются государство, обладающее монопольным правом на легитимное вооруженное на-

¹ URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm> (дата обращения: 27.04.2021).

² Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М., 2008. С. 75.

³ Лутовинов В.И. Военная политика Российской Федерации в современных условиях // Воен. мысль. 2008. № 11. С. 2.

⁴ Кириллов И.В. Военная политика, военно-политические процессы и проблемные аспекты в системе обеспечении военной безопасности в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2015. С. 10.

силе, создаваемые государством органы и учреждения, а также союзы государств. Теоретическое осмысление военной практики, ее оценка и выводы из нее находят свое воплощение в военных концепциях, военных доктринах, концепциях войны и мира.

Система официальных взглядов на использование средств военного насилия в политических целях находит свое выражение и закрепление в военной доктрине государства, которая определяется как «научно обоснованная и официально принятая на достаточно длительный период времени система официальных взглядов военно-политического руководства страны, руководящих установок, определяющих применение средств военного насилия в политических целях, характер военных задач и способы их решения, направленность военного строительства»¹. Ныне действующая Военная доктрина Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации. В Военной доктрине на основе анализа военных опасностей и военных угроз Российской Федерации и интересам ее союзников сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства. Военная доктрина — это политический документ, отражающий сущность и направленность военной политики государства. Одновременно это и правовой документ, поскольку он юридически оформлен путем утверждения высшим должностным лицом нашего государства — Президентом Российской Федерации и потому носит общеобязательный характер.

Приведенный пример с Военной доктриной Российской Федерации можно рассматривать как классический образец того, как политическая воля государства, идеи и теоретические установки в области военного строительства облекаются в юридическую форму и превращаются таким образом в право.

То же самое можно сказать о другом не менее важном правовом документе, определяющем военную политику государства, — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвер-

---

¹ Военно-юридический энциклопедический словарь. С. 71.

жденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Стратегия национальной безопасности, наряду с Военной доктриной, является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, государственной военной политики¹.

Совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере обороны страны и военной безопасности государства, составляют отрасль отечественной правовой системы — военное право². Осуществление правового регулирования является одной из наиболее эффективных форм воздействия государства на общественные отношения. В связи с этим любую отрасль права, включая военное право, можно рассматривать как явление политическое. Политика является непременным условием формирования любых с отраслевой точки зрения правовых норм. Равным образом право — наиболее эффективный проводник выраженной в нем политики. Военная политика, воплотившись в военное право, уже не только самостоятельно, но и с помощью правовых средств оказывает обратное воздействие на общественные отношения в сфере обороны страны и военной безопасности. Это происходит потому, что военная политика, опосредованная правовыми нормами, широко наделяется такими характерными для юридически организованных процессов и механизмов свойствами, как определенность, общеобязательность, нормативность, обеспеченность государственно-правовыми средствами. В связи с этим вполне справедливыми являются утверждения о том, что во всех разновидностях политики присутствует юридическая часть, что аполи-

---

¹ Пономарев А.И. Соотношение понятий «стратегия», «доктрина», «концепция» в контексте теории обеспечения национальной безопасности // Воен. право: электрон. науч. изд. 2017. № 6. С. 30—40.

² См. подробнее гл. 6 настоящего издания.

тичных отраслей права с точки зрения формирования правовых норм и реализации существующей политики не существует.

В условиях существования демократического государства, каким является Российская Федерация, все правовые решения в сфере военной деятельности принимаются в политическом процессе. Военное право является средством достижения политического компромисса, баланса интересов различных общественно-политических сил, их устремлений. В этом смысле его (т. е. военное право) можно рассматривать как возведенную в закон государственную (политическую) волю общества. Речь идет о политической составляющей военного права, политическом содержании военно-правовых институтов.

Практическая сторона военной политики охватывает организационно-управленческие проблемы военного строительства, военное строительство в собственном смысле этого слова, а также применение Вооруженных Сил. Сюда входят принятие решений, разработка планов и программ развития военной сферы, создание и поддержание необходимой военной мощи страны; создание оперативно-стратегических группировок; налаживание взаимодействия между собой Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов; организация производства вооружения и военной техники; мобилизационная подготовка органов государственной власти и организаций; создание и развитие оборонной инфраструктуры; формирование морально-психологической готовности граждан к защите страны; создание и накопление мобилизационных ресурсов и резервов; международное военное сотрудничество в интересах национальной и международной безопасности; организация гражданского контроля за военной деятельностью государства и др.

Военная политика, военно-политические институты, как правило, имеют правовую институционализацию, т. е. они возникают, существуют, функционируют на основе и в рамках военного права, военно-правовых идей. Разумная, конструктивная, научно обоснованная военная политика не может быть антиправовой. В противном случае она рискует оказаться нелегитимной, противоречащей интересам государства и общества. Бытие военной политики тесно связано с бытием военного права. Противоречия и несогласован-

ность между ними чревата серьезными последствиями для обороноспособности государства.

Военное право воздействует на военную политику различными путями, основным из которых является осуществление правового регулирования, т. е. выработка и установление правил поведения субъектов военной политики, юридических пределов действия властных структур в военно-политической сфере. Однако это отнюдь не означает существование антагонизма между военным правом и военной политикой; эти два важнейших социальных института находятся в тесном диалектическом взаимодействии. Военное право несводимо к военной политике, но и не может быть от нее абстрагировано. Хотя между правом и политикой никогда не было и, вероятно, в принципе быть не может полной гармонии, однако это не означает, что они обречены только на конфронтацию. Им вовсе не обязательно быть непримиримыми антиподами. Более того, у права и политики есть ряд общих свойств: регулятивно-направляющее воздействие на социальную жизнь, происходящие в ней процессы; властные начала; отражение в законах некоторых совпадающих требований; в значительной мере единое поле действия и цели.

Единство военной политики и военного права является в связи со сказанным выше одним из важнейших условий развития военной организации государства и упрочения правопорядка в сфере военной деятельности государства. Военное право и военная политика должны подкреплять друг друга. Право есть наиболее эффективная форма социального порядка, способ его эффективной организации и устойчивого развития¹, способ легитимизации и, вместе с тем, форма выражения и осуществления политики, а политика через институты власти и законы гарантирует определенную меру свободы и ответственности личности, ее права, интересы.

Несмотря на то что вопрос «что первично: право или политика?» аналогичен, по сути, вопросу «что первично: яйцо или курица?», до сих пор очень часто сказывается инерция старого советского мышления — первенствует политика, а не право. Е.Б. Пашуканис еще в 1930 г. указывал: «Мы за то, чтобы в праве на первом месте стояла

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 410.

политика, чтобы политика довлела над правом»¹. Этот синдром советско-социалистического периода отечественной истории нередко проявляет свои рецидивы и в функционировании современной военной организации государства, хотя в идеале право должно иметь приоритет над политикой, властью, государством. На деле же такая гармония права и политики пока наблюдается не всегда. Право во все времена использовалось в качестве важного инструмента политики, средства властвования, управления. При этом им нередко злоупотребляли, манипулировали, ставили на службу эгоистическим интересам. И.А. Ильин писал по этому поводу так: «По своему объективному назначению право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывало собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну»².

Исторический опыт нашей страны убедительно показывает, что попытки проводить ту или иную политику без правового обеспечения, как правило, терпят провал из-за недостатка нормативно-правовой базы, скрепляющей правовой воли, выраженной в юридических нормах. В то же время военная политика может быть эффективной лишь в том случае, если она опирается на твердую, легитимную, авторитетную власть — как на уровне в целом государства, так и на уровне его военной организации. Военная власть, военная политика и военное право всегда шли рядом, поддерживая друг друга в достижении общих целей и тесно взаимодействуя между собой. По справедливому утверждению Н.И. Матузова, «власть, не ограниченная правом — опасна; право, не обеспеченное властью, бессильно. Эти два начала должны синхронно корреспондировать друг другу»³.

Разговор о соотношении военного права и военной политики был бы неполным без рассмотрения теоретических проблем правовой политики государства, которая определяется как комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права. Имеется в виду область отношений, связей и интересов, охватываемых понятием «правовое пространство»

¹ Цит. по: Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 155.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 225.

³ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. С. 325.

и объективно нуждающихся в регулятивном опосредовании (упорядочении) со стороны публичной власти. Конечная цель правовой политики — построение правового государства¹.

Правовая политика — особая форма выражения государственной политики, средство юридической легитимизации, нормативного закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров и властных структур. Будучи осознанной и консолидированной, эта политика воплощается, прежде всего, в законах, иных нормативных правовых актах государства, направлена на охрану и защиту данного социального строя, развитие и совершенствование общественных отношений.

В связи с изложенным вполне правомерной является постановка вопроса о выделении в правовой политике относительно самостоятельной составной части — военно-правовой политики. Соотношение здесь такое: политика вообще — государственная политика — правовая политика — военно-правовая политика. В практическом плане военно-правовая политика представляет собой разностороннюю деятельность субъектов, направленную на решение таких конкретных задач, как повышение эффективности правового регулирования воинских правоотношений; создание нормативно-правовой базы военного строительства; укрепление законности и правопорядка в военной организации государства, борьба с преступностью в ней; обеспечение прав и свобод военнослужащих, усиление гарантий их правовой и социальной защиты; формирование должного правосознания и правовой культуры военнослужащих и др.

Важнейшим свойством военно-правовой политики является ее государственно-волевой характер, властно-императивное содержание. Военно-правовая политика потому и называется правовой, что она, во-первых, основывается на военном праве и связана с правом; во-вторых, осуществляется правовыми методами; в-третьих, охватывает главным образом военно-правовую сферу деятельности государства; в-четвертых, опирается, когда это необходимо, на силу государственного принуждения; в-пятых, является публичной, официальной; в-шестых, отличается нормативно-организационными началами.

¹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. С. 318, 319.

Военно-правовая политика не может «плестись в хвосте» у военно-экономической, военно-социальной, военно-технической и других подвидов военной политики (хотя она в известной мере ими обусловлена), а, напротив, по возможности призвана прокладывать им путь, воздействовать на них, предупреждать негативные явления и процессы, не забегая, вместе с тем, вперед там, где условия для правового вмешательства еще не созрели. В военно-правовой политике, как нигде, важны прогноз и предвидение. Военно-правовая политика должна обладать способностью диагностировать болевые точки повседневной жизнедеятельности военной организации государства и своевременно их профилактировать.

Важной стороной рассматриваемого вопроса о соотношении военного права и военной политики является проблема утверждения принципов демократизма в военной политике и в деятельности военной организации государства. Как справедливо отмечают военные эксперты, к сожалению, до сих пор многие генералы и офицеры с недоверием относятся к демократии. Они опасаются гласности, гражданского контроля, боятся, что демократия подорвет единоначалие и дисциплину. Критики демократии обычно ссылаются на то, что для нее характерны хаос, низкая дисциплина, безответственность, что пагубно для отражения вооруженной агрессии.

Демократическая политическая система с рыночной экономикой и демократические ценности позволяют создать армию, способную вести справедливые войны, отразить любое нападение, обеспечить военную безопасность. Разделение властей, четкое определение в военном праве их задач и функций, регулярная сменяемость властей позволяют привлечь к важным решениям в сфере обороны и военной безопасности большое количество квалифицированных специалистов, принимать адекватные обстановке решения, создать рациональную систему руководства военной организацией государства, добиться гармоничного баланса между миролюбивой политикой и оборонной политикой, между военной политикой и военной стратегией, между централизацией и децентрализацией руководства ответственными Вооруженными Силами.

Таким образом, государственная военная политика, даже самая правильная и мудрая, не может быть реализована без военного права

или вне военного права, без юридического инструментария. Военно-правовые проблемы чаще всего являются и военно-политическими, а последние, в свою очередь, решаются с помощью военного права. Иными словами, можно говорить не только о военном праве в политическом измерении, но и о военной политике в правовом измерении. Военное право и военная политика должны развиваться в едином русле, так как они нужны друг другу. Военное право — мощный, высокоэффективный инструмент проведения в жизнь военной политики государства, специфическое средство (форма) организации и обеспечения его разносторонней деятельности, осуществления его задач и функций в сфере обороны и военной безопасности государства.

§ 2. ВОЕННОЕ ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Одной из важнейших задач, решаемых военным правом, является формирование позитивного правосознания военнослужащих, которое представляет собой систему знаний, эмоционально-чувственных и волевых состояний, а также ценностных ориентаций, выражающую отношение военнослужащих к действующему праву, законодательно закрепленным требованиям и предписаниям их служебно-боевой и общегражданской деятельности. Объективная необходимость формирования правосознания военнослужащих обусловлена тем, что установленные военным правом правила поведения субъектов общественных отношений, складывающихся в сфере обороны и военной безопасности государства, смогут активно и эффективно влиять на эти самые общественные отношения только в том случае, если они будут позитивно восприняты военнослужащими, воплотятся в их умы и сердца, в их практическую повседневную деятельность.

Феномен правосознания занимал умы многих отечественных мыслителей. Наиболее весомый вклад в познание его сущности и содержания внес известный русский философ И.А. Ильин. В своем фундаментальном труде «О сущности правосознания» он подверг глубокому исследованию особенности и специфику форми-

рования правосознания граждан в условиях военной организации. «Армия как элемент государственного бытия, — пишет указанный ученый, — есть организованное множество людей, систематически воспитывающих себя к победе и ради нее — к смерти, к убиению во имя государственной цели. Именно этим определяется ее достоинство и ее трагическая природа. Каждый член армии, каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное принятие. Армия может существовать только в ту меру, в какую ее одушевляет государственно-патриотическое правосознание. Такое правосознание остается всегда волею к государственной цели, а эта воля порождает и готовность к государственному служению. Поэтому служение в армии должно быть проникнуто живым вдохновением государственности. Воин есть гражданин, принявший на себя сосредоточенное бремя гражданского звания и бытия, ибо он является живым воплощением государственной силы, живым орудием государственной воли, органом, связавшим свое дело с вопросом о личной жизни и смерти. Но живое орудие не оторвано от своей цели; напротив, цель его незримо присутствует в нем и движет его. Отсюда то высокое достоинство и та высокая ответственность, которые необходимо сопряжены с воинским званием»¹.

Именно в целях формирования позитивного правосознания военнослужащих в Вооруженных Силах Российской Федерации организовано и осуществляется правовое воспитание личного состава, под которым понимается целеустремленное и систематическое влияние на сознание, чувства и психологию военнослужащих в целях формирования у них глубоких и устойчивых правовых представлений, убеждений и чувств, привития им высокой правовой культуры, навыков и привычек активного правомерного поведения. Главной задачей правового воспитания является достижение того, чтобы военнослужащие знали, всегда и везде строго и точно соблюдали Конституцию Российской Федерации и федеральные законы, Военную присягу, уставы, требования других нормативных правовых актов и активно участвовали в их реализации.

---

¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 146—147.

Правовое воспитание военнослужащих призвано решать следующие задачи:

- вооружение военнослужащих правовыми знаниями;
- превращение полученных правовых знаний в личные убеждения, в практические навыки и привычки правомерного поведения;
- привитие военнослужащим чувства нетерпимости к любым отступлениям от требований правовых норм;
- формирование готовности и умения военнослужащих активно отстаивать и защищать свои права;
- укрепление законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Работа по осуществлению правового воспитания военнослужащих строится на принципах гуманизации; научной обоснованности; индивидуального подхода; воспитания в коллективе и через коллектив; воспитания в процессе воинской деятельности; комплексности в воспитании; целеустремленности и конкретности; гибкости и динамизма в содержании, формах и методах; систематичности и непрерывности.

Именно в незнании права коренятся многие беды, связанные с преступностью, проявлениями беззакония в стране и в Вооруженных Силах, поскольку «народ, не знающий законов своей страны, ведет внеправовую жизнь или довольствуется ...неустойчивыми зачатками права. ...Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права. ...Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права. ...Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость»¹.

Издержки в правовом воспитании, в формировании правосознания военнослужащих получили в научной литературе название «дефекты правосознания».

---

¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 23—24.

А.В. Грошев предлагает разграничивать дефекты правосознания в широком и узком смысле слова. Под дефектами правосознания в широком смысле указанный автор предлагает понимать содержащиеся в массовом правосознании любые статистически значимые отклонения от идей научно-теоретического правосознания, изложенных в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке. Дефекты правосознания в узком смысле — это функциональные нарушения (дисфункции) в структуре общественного, группового и индивидуального правосознания, выражающиеся в несформированности, искаженности или неустойчивости основных его структурных элементов и оказывающие криминогенное влияние на поведение личности, социальных групп в юридически значимых ситуациях¹.

Основными формами проявления дефектов правосознания военнослужащих являются:

1) *правовой инфантилизм*, выражающийся в несформированности и пробельности правосознания. Он является показателем недостаточной правовой социализации военнослужащего, т. е. неполного усвоения им правовых норм, ценностей и образцов поведения в правовой сфере. При правовом инфантилизме военнослужащий либо не знает о существовании определенных правовых норм и полагает, что конкретный жизненный случай, конкретная служебная ситуация безразличны для права, либо искаженно представляет себе содержание правовых норм, пределы их действия и практику применения, либо не умеет учитывать их требования в конкретной ситуации, имеющей правовое значение. По мнению юристов, правовой инфантилизм — это первая и наименее опасная стадия деформации правосознания. Вместе с тем, это достаточно серьезная предпосылка дальнейшей деформации правосознания, возникновения общего неуважения к праву вообще и к военному праву в частности, т. е. правового нигилизма;

2) *правовой нигилизм*, выражающийся, по мнению Н.И. Матузова, «в общем негативно-отрицательном, не уважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку»². Правовой нигилизм —

¹ Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 140—141.

² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. С. 590.

это отрицание норм права, роли законодательства, сведение права к совокупности произвольных действий субъектов общественных отношений, оправдание беззакония. Нигилизм возникает как результат неудовлетворенности субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным потенциальным возможностям. Под правовым нигилизмом мы предлагаем понимать психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны военнослужащих, воинских должностных лиц, органов военного управления, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов. Правовой нигилизм выступает одновременно и как элемент сознания (индивидуального и общественного), и как способ, линия поведения военнослужащего, воинского должностного лица либо органа военного управления;

3) *правовой идеализм (этатизм)*, выражающийся в преувеличении некоторыми военнослужащими роли и значения правовой регуляции в решении сложнейших проблем повседневной жизнедеятельности военной организации государства.

Наиболее опасным из перечисленных форм проявления дефектов правосознания военнослужащих по своим негативным последствиям является, безусловно, правовой нигилизм.

Свое проявление правовой нигилизм находит в следующих основных формах:

а) в несоблюдении значительным числом военнослужащих требований и предписаний военного законодательства;

б) в прямом и сознательном нарушении военнослужащими действующих законов и иных нормативных правовых актов;

в) в произволе, своеволии, игнорировании правовых и иных социальных норм и ценностей рядом воинских должностных лиц;

г) в распространении правовой индифферентности, недоверия и оппозиционности военнослужащих к политике государства в военной сфере;

д) в издании противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих правовых актов в сфере обороны и военной безопасности государства;

е) в подмене законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью;

ж) в многочисленных нарушениях прав и свобод человека в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации.

Известный теоретик права Н.И. Матузов выделяет следующие характерные черты современного правового нигилизма:

— во-первых, его подчеркнута демонстративный, воинствующий, цинично-агрессивный характер, что обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность;

— во-вторых, массовость, широкая распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, кланов, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных эшелонах власти;

— в-третьих, многообразие форм проявления — от криминальных до легальных, от парламентско-конституционных до митингово-анархистских, от «верхушечных» до бытовых¹.

Одной из основных причин неуважительного отношения многих граждан, включая военнослужащих, к закону являются сохраняющиеся кризисные явления в развитии общества. Криминальная действительность, социальная напряженность, экономические неурядицы, люмпенизация значительной части военнослужащих, бедность, злоупотребление свободой без границ и многое другое воспроизводят правовой нигилизм в геометрической прогрессии. Он стал болезнью, поразившей все звенья и структуры военной организации государства, весь ее организм. Произошедшая в начале 90-х гг. прошлого века смена общественного строя в нашей стране привела к резкому изменению правового менталитета граждан, включая военнослужащих. Снизилась их установка на уважение к закону и повысилась настроенность на неправовые способы защиты своих прав. Одновременно наблюдается и другая крайность: в ментальность значительного числа военнослужащих заложен синдром терпимости к несправедливости, покорности судьбе, неумения постоять за себя, за свои интересы.

Наиболее уродливым и опасным следствием правового нигилизма значительной части военнослужащих является распространение коррупции в воинской среде. При этом в качестве одной из причин

---

¹ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 181.

данного явления выступает низкий жизненный уровень значительной части семей военнослужащих. Бедность, нищета, пауперизм, огромный разрыв между малоимущими слоями населения и верхушкой сверхбогачей создают питательную среду и для правового нигилизма, и для коррупции. Наличие прямой причинно-следственной связи между недостаточными размерами денежного содержания государственных служащих и коррупцией выявлено достаточно давно. Вот что говорил по этому поводу в конце XIX в. видный российский ученый-правовед Б.Н. Чичерин: «Когда служащий не в состоянии содержать себя жалованьем, он вольно или невольно обращается к другим путям, часто незаконным, пользуясь своим служебным положением для получения частных выгод, и за это с него нельзя взыскивать, ибо есть ему нужно. Ничтожные оклады служат верным средством для распространения лихоимства, а раз оно внедрилось, оно охватывает и высшие ступени, где ими удовлетворяются уже не материальные нужды, а потребности роскоши»¹.

Для того чтобы изжить из нашей повседневной жизни правовой нигилизм, коррупцию, другие негативные явления, необходимо, наряду с общим ростом благосостояния граждан, одновременно, как советовал еще И.А. Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души»².

Достичь указанной цели в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации можно только через организацию систематического, регулярного влияния на сознание и чувства военнослужащих, т. е. правового воспитания.

Основными направлениями правового воспитания военнослужащих являются:

— выработка четких мировоззренческих установок в условиях сложной и противоречивой общественно-политической ситуации в стране и в Вооруженных Силах Российской Федерации;

¹ Российский военный сборник. Вып. 1. М., 1992. С. 186.

² Ильин И.А. Указ. соч. С. 31.

— формирование глубоких и устойчивых правовых представлений и убеждений, навыков активного правомерного поведения;

— анализ складывающейся ситуации с решением проблем укрепления законности и правопорядка в стране и Вооруженных Силах и определение на этой основе системы приоритетов в организации правового воспитания военнослужащих на ближайшую и долгосрочную перспективу;

— обеспечение конструктивного взаимодействия органов военного управления с органами государственной власти и местного самоуправления, правоохранительными органами, общественными объединениями при осуществлении правового воспитания личного состава Вооруженных Сил;

— использование исторического и современного отечественного и зарубежного опыта правового воспитания граждан;

— обучение командиров (начальников) современным формам и методам правового воспитания военнослужащих;

— повышение уровня эффективности и полноты оперативного правового информирования военнослужащих;

— организация противодействия противоправному общественному мнению в воинских коллективах;

— повышение эффективности научных исследований в области формирования у личного состава правосознания, теории и практики поддержания правопорядка и дисциплины в войсках;

— улучшение морально-психологического климата в воинских коллективах.

С точки зрения содержания и практического осуществления правовое воспитание включает три неразрывно связанные между собой составные части:

— во-первых, это систематическое, планомерное воздействие на личность в целях доведения до ее сознания требований права;

— во-вторых, обеспечение благоприятного влияния социальной среды, создание надлежащих условий для интенсивного усвоения личностью общественного правосознания и правовых норм;

— в-третьих, включение личного состава в практическую деятельность, содействующую формированию у него потребности в

правовых знаниях и воспитанию привычки соблюдать требования законов, иных нормативных правовых актов.

§ 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЕННОГО ПРАВА

Комплексным показателем качества военного права является его эффективность. Этот признак характеризует способность норм военного права регулировать общественные отношения, реализовываться в конкретных правоотношениях. Эффективность норм права понимается как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Поэтому выявить эффективность норм военного права в процессе их догматического толкования не представляется возможным, поскольку подобная задача может быть решена только в ходе социально-правового исследования. Действительно эффективной можно считать лишь такую норму, которая способствует достижению объективно обоснованной цели. Достижение необоснованной цели также результат действия правовой нормы, однако такой результат нельзя считать социально эффективным. Социально эффективной может быть лишь такая норма права, перед которой поставлена цель, достаточно верно отражающая объективные потребности сохранения, функционирования, развития данной социальной структуры и в конечном счете выражающая объективные закономерности, свойственные сложившемуся типу общественных отношений. О.Э. Лейст под эффективностью права понимает его осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью (хотя бы беспробельными связями материально-правовых и процессуальных норм), соразмерностью социальных целей норм и юридических средств их достижения, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов¹.

Л.С. Явич выделяет следующие важнейшие показатели эффективности норм (институтов) права:

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 93.

а) соответствие непосредственной социальной цели законодателя объективным потребностям данного общества;

б) оптимальность избранного масштаба поведения для достижения поставленной цели, возможность достижения этой цели юридическими средствами;

в) соответствие средств достижения цели социальной ценности предполагаемого социального результата;

г) минимальность социальных затрат при максимальности социального результата;

д) соответствие между реальным результатом действия нормы и поставленной перед ней социальной целью¹.

С.А. Жинкин выделяет следующие разновидности эффективности норм права, которые в полной мере применимы и к военно-правовым нормам²:

— социальная эффективность. Она вытекает из соответствия юридических предписаний социальным потребностям: это и потребности общественного развития в целом, и потребности отдельных социальных групп;

— политическая эффективность. Она зависит от того, насколько нормы права способствуют достижению целей и задач государства и обеспечивают выполнение им своих функций;

— специально-юридическая эффективность. Специально-юридические факторы, влияющие на эффективность юридических норм, означают и реальную обеспеченность соответствующих предписаний санкциями либо поощрениями, и правильный выбор предмета регулирования, и соблюдение требований юридической техники в правотворчестве и правоприменении;

— формальная эффективность. Эффективность норм права зависит также от того, в какую форму они облечены, в каком источнике права выражены;

— процедурная эффективность. Данный вид эффективности рассматривается в двух аспектах. Во-первых, здесь имеется в виду соблюдение процедур подготовки и принятия правовых норм. Эти

---

¹ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 253.

² Жинкин С.А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журн. рос. права. 2004. № 2. С. 30—33.

процедуры становятся препятствием для правотворческих ошибок, повышают качество принимаемых нормативных актов, а значит, и их эффективность. Во-вторых, принимаемые нормы должны быть снабжены процедурами контроля за их соблюдением, процедурами своей реализации и охраны;

— материально-организационная эффективность. Самые качественные нормативные акты останутся лишь на бумаге, не вызовут изменений в соответствующих общественных отношениях, если не будут обеспечены материальными средствами и кадровыми ресурсами;

— потенциальная эффективность правовых предписаний. Она зависит от факторов, находящихся в сфере правотворчества. Это и учет законодателем потребностей общественного развития, правильный выбор предмета и методов правового регулирования, и соблюдение правил законодательной техники в процессе разработки и издания нормативного правового акта (непротиворечивость положений, содержащихся в данном акте, и самого акта актам более высокой юридической силы, точность предписаний, ясность и понятность и т. д.);

— реальная эффективность. Ее определяют факторы, лежащие в сфере правореализации. Сюда можно отнести обеспеченность тех или иных предписаний материальными и организационными ресурсами, соответствие принятых норм общественному мнению, четкую работу правоприменительных органов и др.;

— психологическая эффективность. Правовые предписания воплотятся в поведение субъектов, если в обществе выработано соответствующее психологическое отношение к ним.

Выявить эффективность норм военного права можно только через осуществление анализа их применения в конкретных правоотношениях. Именно практика, реальная жизнь законов показывает, насколько эффективна и совершенна действующая в государстве военно-правовая система; именно правоприменительная практика сигнализирует о неблагополучии и сбоях в ее функционировании, предлагает пути исправления недостатков¹. Важнейшим показателем при этом выступает наличие либо отсутствие правопримени-

¹ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. С. 95.

тельных ошибок. Серьезные методологические подходы к решению данной проблемы выработаны Н.Н. Вопленко, который дифференцирует причины правоприменительных ошибок на внешние и внутренние. К внутренним он относит недостатки правоприменительного решения, обусловленные несовершенством процесса правоприменения, в том числе неверным познанием фактов жизни, правовой основы дела, неправильной юридической квалификацией. Внешние причины — это социально-правовые явления и процессы, лежащие за пределами правоприменительной деятельности, образующие ее внешнюю среду, но оказывающие негативное воздействие на качество правоприменительного акта. В числе этого вида причин указанный ученый выделяет: 1) неясность, противоречивость законодательства; 2) отсутствие стабильности юридической практики; 3) недостаточность юридических знаний правоприменителей; 4) противодействие заинтересованных лиц; 5) неблагоприятные условия деятельности; 6) недостатки в подборе и расстановке кадров; 7) односторонность и неполноту доказательств; 8) сложность процессуальных требований к совершению отдельных процессуальных действий; 9) большую служебную загруженность; 10) отсутствие специализации в работе¹.

Не менее существенным фактором недостаточной эффективности многих военно-правовых норм является их декларативность. Декларативность норм военного права характеризуется тем, что субъективным правам военнослужащих не всегда корреспондирует соответствующая юридическая обязанность других лиц и органов это право обеспечить; отсутствуют сколько-нибудь значимые стимулы правомерного поведения субъектов правоотношений, порядок реализации или защиты субъективных прав либо устанавливаются малоэффективные санкции. Норма, лишенная механизма реализации, способного обеспечивать ее эффективное действие, становится декларативной без какой-либо надежды на эффективное регулирование общественных отношений.

Декларативность права во многом определяется расплывчатостью, неконкретностью многих формулировок законов и иных нор-

¹ *Вопленко Н.Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 133—153.

мативных правовых актов. В результате многие из прав граждан, включая военнослужащих, являются как бы виртуальными, а не реальными.

Одной из причин декларативности многих норм военного права является отсутствие юридической процедуры их реализации. В научной литературе справедливо утверждается, что процедурный механизм в праве — это и есть тот самый механизм реализации закона, об отсутствии которого так часто говорят. В полной мере это относится, в частности, к Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Юридическая процедура призвана последовательно, шаг за шагом, определить поведенческие действия управомоченного военнослужащего и обязанных ему должностных лиц по получению требуемого блага, установленного указанным Законом. Процедурная форма должна детально регламентировать, к кому, в какие сроки и каким образом должен обратиться управомоченный военнослужащий за реализацией своего права, а также, как, в каком порядке он может защитить данное право от нарушения. Последовательная реализация процедурного алгоритма должна неизбежно приводить к наступлению желаемого результата. Серьезным фактором декларативности и, как следствие, практически нулевой эффективности ряда норм военного права является необеспеченность их реализации материальными средствами. Этот существенный изъян характерен для ряда норм о материальном обеспечении военнослужащих.

Нормативный правовой акт, который не содержит действенного механизма реализации норм права, в целом является малоэффективным, независимо от совершенства его других сторон и признаков. Декларативность некоторых норм военного права позволяет согласиться с мнением о том, что «норма права, лишенная действенных правовых средств ее реализации в конкретных правовых отношениях, действует по преимуществу формально, а граждане и иные лица не вступают в регулируемые ею отношения либо руководствуются иными нормативными установлениями, в том числе и теми, которые плохо согласуются с принципами законности»¹.

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2004. Т. 2: Логика правового исследования. С. 205.

В.М. Сырых всю совокупность обязательных факторов — условий эффективного действия норм права подразделяет на два вида: условия юридической эффективности норм права и условия социальной эффективности норм права. В первую группу входят: 1) надлежащее качество законов, иных нормативных правовых актов; 2) эффективно действующий механизм правового регулирования; 3) совершенство правоприменительной деятельности. Обязательными условиями социальной эффективности норм права выступают: 1) уровень экономического развития общества; 2) уровень культуры членов этого общества; 3) соответствие норм права содержанию регулируемых общественных отношений; 4) соответствие норм права закономерностям функционирования и развития гражданского общества и правового государства. Юридическая эффективность выступает лишь прологом, условием социальной эффективности, тогда как обеспечение последней может гарантироваться только необходимыми социальными условиями, в числе которых в первоочередном порядке называется соответствие норм права экономическому и культурному уровням в развитии общества¹.

Всю совокупность неэффективных норм военного права можно разделить на фиктивные, дефектные и иные ложные нормы.

Фиктивными называются правовые нормы, которые не реализуются, не осуществляются в практической деятельности. «Фиктивный» — означает мнимый, небывалый, вымышленный, воображаемый. В Большой советской энциклопедии фикция определяется как нечто несуществующее, мнимое, ложное². Действительно, фиктивные нормы права существуют лишь формально, на бумаге, в правовой действительности они не реализуются. Такая норма является своеобразной «выдумкой» законодателя, «пустым звуком» закона, ее нельзя назвать нормой права в истинном значении этого слова³. Фиктивность нормы права определяется как «свойство нормы права не соответствовать потребностям общества»⁴.

¹ Сырых В.М. Указ. соч. С. 270, 273.

² Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. М., 1977. Т. 27. С. 396.

³ Кузнецова О.А. Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение // Журн. рос. права. 2005. № 3. С. 128.

⁴ Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 461.

Следует заметить, что далеко не все нормы военного права, не применяемые на практике, являются фиктивными. Некоторые нормы редко применяются или не применяются с момента вступления их в силу, но это не означает их «ненужность» в системе военного права. Они обладают потенциальной осуществимостью при наступлении условий, предусмотренных гипотезой нормы. Норма может быть неприменима по разным причинам: либо норма в принципе неосуществима (фиктивная норма), либо она временно не применяется из-за отсутствия условий ее реализации, заложенных в гипотезе. Фиктивная же правовая норма не реализуется не из-за отсутствия условий, предусмотренных ее гипотезой, а из-за объективной неосуществимости самой нормы.

Так, нельзя назвать фиктивной норму, предусмотренную п. 9 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». Согласно данной норме размеры окладов по воинским должностям и окладов по воинским званиям ежегодно увеличиваются (индексируются) с учетом уровня инфляции (потребительских цен) в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Однако в течение ряда лет (2012—2016 гг.) действие данной нормы приостанавливалось, и индексация не производилась. Это объяснялось сложной экономической ситуацией в стране. Лишь с 2017 г. такая индексация стала производиться.

В качестве же примера фиктивной нормы можно назвать требование ст. 64 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, согласно которой военнослужащие по вопросам службы должны обращаться друг к другу только на «вы». Общеизвестно, что на практике данное правило действует только при обращении младшего к старшему. Во всех других случаях эта норма не соблюдается, что, впрочем, практически не влияет на общий фон взаимоотношений между военнослужащими (кроме, конечно, случаев «тыканья» старшего по отношению к младшему в оскорбительной форме).

Помимо фиктивных, существуют также нормы военного права, которые действуют, реализуются, но мешают общественным от-

ношениям, они лишние в системе военного права, но по каким-то причинам еще не исключены законодателем из нее. Они не просто относятся к числу неэффективных норм, а обладают отрицательной эффективностью. Нормы с отрицательной эффективностью называются дефектными. С такими нормами мы сталкиваемся тогда, когда состояние какого-либо отношения ухудшается в результате действия этой нормы.

В качестве примера можно привести нормы, предусмотренные ст. 51.1 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которые регулируют ответственность военнослужащих за нарушение норм антикоррупционного законодательства. За подобного рода нарушения предусмотрены серьезные санкции дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения с военной службы в связи с утратой доверия. Однако коррупционные дисциплинарные проступки по какой-то причине не отнесены к категории грубых дисциплинарных проступков, предусмотренных п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Дефектные правовые нормы, таким образом, приводят к отрицательным результатам, а фиктивные вообще не достигают никакого результата, т. е. обладают нулевой эффективностью. Поэтому «если результат действия правовой нормы равен исходному состоянию, то перед нами фиктивная норма, а если результат реализации нормы меньше исходного состояния общественных отношений, то мы имеем дело с дефектной нормой»¹.

Вопрос о фиктивных и дефектных правовых нормах тесно связан с вопросом об их истинности и ложности. В.М. Баранов считает, что истинность — это «объективное свойство нормы права, выражающее меру способности ее содержания, проверяемую практикой, соответственно отражать в форме познавательно-оценочного образа тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности»².

Важен вопрос и о причинах пороков норм права. О.А. Курсова справедливо отмечает, что фиктивные правовые нормы являются

¹ Кузнецова О.А. Указ. соч. С. 129.

² Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 349.

разновидностями правотворческой ошибки¹. Под правотворческой ошибкой понимается отступление от требований законодательной техники, положений правовой науки, логики или грамматики, которое снижает качество норм права, вызывает затруднения в их толковании и реализации в конкретных правоотношениях. В зависимости от нарушенного правила выделяют три вида ошибок: юридические, логические и грамматические (языковые)².

Снижение качества и соответственно эффективности действий законов происходит также из-за того, что при их подготовке и принятии слабо учитываются требования законодательной техники. В результате этого подчас принимаемым законам в области обороны и военной безопасности государства свойственны многословие, описательность, декларативность; нечеткое выражение в словесных формулировках общеобязательных правовых предписаний таких неотъемлемых атрибутов правовой нормы, как права и обязанности участников регулируемых отношений, ответственность за нарушение нормы, что позволяет по-разному толковать одни и те же положения закона; отсутствие процедурных норм, регламентирующих реализацию норм материального права; значительное число отсылочных статей и т. д. Эти и некоторые другие недостатки законотворческой деятельности государства в значительной мере являются следствием того, что среди законодателей как федерального, так и регионального уровня крайне мало профессиональных юристов, а в комитетах, комиссиях, рабочих группах и т. д., где готовятся и дорабатываются законопроекты, нередко вообще нет квалифицированных юристов, специализирующихся на военном законодательстве. Для подготовки и экспертизы законов далеко не всегда используются возможности научных коллективов и военных ученых-правоведов. Нельзя не согласиться с мнением М.И. Байтина, который отмечает негативное влияние существующей известной недооценки роли правовой науки и ее рекомендаций, вследствие чего «отдельные работы и выступления в печати ученых-юристов по принципиальным вопросам улучшения

¹ *Курсова О.А.* Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 16.

² Российское законодательство: проблемы и перспективы / под ред. Л.А. Окунькова [и др.]. М., 1995. С. 389.

законодательной и других сторон деятельности государства не только не принимаются во внимание, но вообще, не получая отклика со стороны властных структур, остаются гласом вопиющего в пустыне»¹.

Прямое влияние на эффективность военного права оказывают падение морали, девальвация духовных ценностей, другие социальные аномалии в воинской среде. Давно было сказано: бессмысленны законы в безнравственной стране. Многократно обманутые военнослужащие не будут верить власти, так как она тем самым нарушает свои обещания. Не будут верить, даже если у власти благие намерения, объективно верные решения. Поэтому, если тот или иной закон не работает, это еще не означает, что он плох. Важна среда, атмосфера, внешние условия его реализации. Не все зависит от самого закона. Проблема сложнее. Юридические нормы не всегда могут развязать тугие узлы противоречий, возникших более десятилетия назад, а в ряде случаев встречают противодействие в воинской среде. Предписания сверху во многих случаях внутренне не воспринимаются теми, на кого они рассчитаны. Ту правовую невменяемость, в которую впадала Россия, а с ней и ее Вооруженные Силы, в начале 90-х гг. прошлого века и от которой они, наконец, судя по всему, сегодня начинают оправляться, могут вылечить только время и постоянная, настойчивая, планомерная деятельность всех ветвей власти по утверждению законности в обществе, по формированию позитивного правосознания военнослужащих, по достижению высокой эффективности всех составных частей российского военного права, которая представляет собой, по сути, степень воплощенности его возможностей в действительность.

§ 4. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННОГО ПРАВА

Истинная социальная ценность военного права познается только через человеческое измерение. «Измерение» в данном случае — это лексико-понятийный прием, позволяющий рассматривать военное право под разными углами зрения; это специфици-

¹ Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 383—384.

ческий термин, обозначающий определенную сторону, срез, видение военного права, его оценку и интерпретацию в том или ином ракурсе, контексте. Человеческое измерение — это оценка того, какое значение имеет военное право для конкретного человека, для обеспечения и защиты его прав, реализации его жизненных интересов и в конечном счете для утверждения принципа гуманизма в воинской деятельности.

С военной политикой государства самым тесным образом связано военное право, гуманистический аспект которого выражается в его целях, задачах и содержании, в используемых средствах правового регулирования общественных отношений в сфере обороны страны и военной безопасности государства. Гуманистический аспект военного права означает его ориентацию на сохранение жизни человека и человечества, а также на развитие гуманистических качеств человека как субъекта общественных отношений, регулируемых военным правом.

Военное право регулирует общественные отношения в сфере обороны и военной безопасности государства. Любое общество, любой член этого общества заинтересованы в том, чтобы существовать и развиваться в условиях, когда отсутствуют угрозы их жизненно важным интересам, в том числе и в военной сфере. И именно в этом смысле мы можем говорить о гуманистической сущности военного права, поскольку оно создает необходимые правовые условия для функционирования системы военной безопасности государства и его граждан.

Когда в Конституции Российской Федерации (ст. 2) утверждается, что права и свободы человека являются высшей ценностью, то при этом имеется в виду и сам человек как носитель этих прав. Без человека, вне человека, в отрыве от него любые права превращаются в абстракцию. Права есть условие и составная часть повседневной жизни и служебной деятельности каждого военнослужащего. Именно поэтому в основе всех проводимых в военной организации преобразований и реформ, провозглашаемых программ и целей в сфере обороны страны, выработки политического курса в области военного строительства должно лежать человеческое измерение. Это обусловлено тем, что человек есть «мера всех вещей», «все про-

цессы реакционны, если рухнет человек». Эти древние истины, как представляется, никто не оспаривает, ибо они очевидны.

Человек, его жизнь представляют собой высшие социальные ценности. Но это не означает, что указанные ценности являются абсолютными, ибо, как известно, ни в природе, ни в обществе ничего абсолютного нет. Поэтому в контексте рассматриваемой проблемы возникает вопрос: а есть ли вообще что-либо дороже жизни? В принципе есть, поскольку все зависит от сопоставимости (сравнимости) ценностей и конкретных ситуаций. Например, человек может сознательно жертвовать собой во имя более высоких идеалов — защиты Родины, Отечества, ради спасения других людей: отечественная история богата примерами на этот счет. В общественном сознании данное обстоятельство воспринимается, прежде всего, как моральный долг истинного патриота России. Вместе с тем, *в военном праве риск для жизни, самопожертвование во имя общественных интересов позиционируются не только как долг, но и как прямая обязанность военнослужащих*. Так, согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе *с риском для жизни* (выделено автором – В. К.). Еще более категоричны нормы общевоинских уставов: ст. 13 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации прямо обязывает каждого военнослужащего, не щадя своей крови и самой жизни, защищать Российскую Федерацию, не щадя своей жизни, выручать товарищей из опасности, а согласно ст. 20 данного Устава военнослужащий «обязан до конца выполнить в бою свой воинский долг».

Однако наличие подобных норм отнюдь не означает античеловеческой направленности военного права, а, наоборот, только подчеркивает его истинно гуманистическую сущность, поскольку оно требует от военнослужащих жертвовать своей жизнью во имя жизни и безопасности других людей, во имя общественного блага, государственного интереса. Концепция естественных прав человека, таким образом, сохраняет свое гуманистическое ориентирующее значение

и в условиях воинской деятельности, но при переводе ее на язык военного права она подвергается принципиальным коррективам. Есть естественное право человека на жизнь, но есть и обязанность военнослужащего жертвовать своей жизнью во имя общественного и государственного блага. Существует также смертная казнь по приговору суда. Да и вообще, военное право, регулируя вопросы применения вооружения и военной техники при охране и обороне военных и государственных объектов, государственной границы Российской Федерации, при ведении боевых действий, не только допускает, но прямо обязывает военнослужащих лишать жизни других людей (например, лиц, проникших на охраняемый объект при невыполнении ими требований часового; вооруженных террористов; военнослужащих противоборствующей стороны во время военных действий и вооруженных конфликтов и т. д.).

В связи с изложенным заслуживает поддержки высказываемое в научной литературе мнение о необходимости нового подхода к оценке соотношения прав конкретной личности и общественного интереса. Как известно, права человека являются главным ценностным ориентиром правового государства. Права человека органично «вплетены» в общественные отношения, они являются нормативной формой выражения меры свободы индивидов, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборства, конфликтов. Права человека нормативно формулируют не только условия и способы жизнедеятельности людей, но и границы свободы человека, которые позволяют индивиду реализовать свои права, не ущемляя прав и интересов других людей. Права человека являются показателем зрелости демократических и правовых основ государства, его «качества», способности обеспечения свободной и достойной жизни людей во всех сферах жизни — политической, социальной, экономической, культурной, личной¹.

Однако ученые правы, когда подчеркивают, что отдающий антропоцентризмом тезис о приоритете прав личности над общественными и государственными интересами — это «общественно

¹ Гражданское общество, правовое государство и право (круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 23.

опасный тезис»¹. О.В. Мартышин в связи с этим указывает: требуется пересмотреть принцип приоритета прав личности над правами любой социальной общности, так как его последовательное развитие ведет к «войне против всех»². С.П. Ефимичев также считает, что «концепция прав человека должна исходить из того, что защита интересов личности невозможна без обеспечения защиты интересов общества и государства. Если органы, реализующие власть, не будут иметь достаточно прав и средств, они не смогут защитить личность с ее правами и свободами»³. Аналогичного мнения придерживается В.В. Лазарев: «Серьезной для теоретико-правовой науки является проблема соотношения прав личности и государственного интереса, которая должна решаться исходя из приоритета последнего, поскольку целое определяет часть»⁴. «Антисоциально, — пишет Г.Т. Чернобель, — противопоставлять общество и человеческую личность как таковую. Это неразрывные стороны единой социальной ипостаси: личность как социальный индивид всем своим существованием обязана обществу, а общество как определенная людская сообщность развивается, совершенствуется благодаря многогранной личностной деятельности человека»⁵. Векторная парадигма законодательства в демократическом правовом государстве — «это обеспечение общих интересов при максимальном учете законных частных интересов, решительное противодействие своекорыстным интересам, подавление интересов незаконных, противоречащих праву»⁶. Есть и другие ученые, кроме указанных выше, стоящие на подобных позициях.

Таким образом, традиционное учение о правах человека требует нового прочтения и новых подходов в соответствии с современны-

¹ *Мартышин О.В.* Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // *Право и политика.* 2000. № 7. С. 9.

² *Мартышин О.В.* Выступление на конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» // *Правоведение.* 2000. № 3. С. 243; Его же. *Справедливость и право* // *Право и политика.* 2000. № 12.

³ *Ефимичев С.П.* Обеспечение прав личности, интересов общества и государства — приоритетная составляющая судебно-правовой реформы // *Журн. рос. права.* 2001. № 11. С. 34.

⁴ *Лазарев В.В.* Выступление на конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» // *Правоведение.* 2000. № 3. С. 245—246.

⁵ *Чернобель Г.Т.* Право как мера социального блага // *Журн. рос. права.* 2006. № 6. С. 90.

⁶ *Хабриева Т.Я.* Национальные интересы и законодательные приоритеты России // *Журн. рос. права.* 2005. № 12. С. 20.

ми реалиями развития общества, государства и военной организации государства. Оно не может оставаться застывшим и неизменным. Практика, жизнь вносят в нее необходимые коррективы.

Важнейшим аспектом проблемы человеческого измерения военного права является его способность нормативно обеспечить социальную защиту военнослужащих и членов их семей, их право на достойную жизнь. В научной литературе обоснованно утверждается, что центральный функциональный смысл права как нормативного регулятора заключается в его предназначении быть мерилом социальных благ. Так же, как смысловым центром понятия демократии является народовластие, смысловым центром понятия права является «мера социального блага»¹. Русский дореволюционный юрист П.И. Новгородцев сетовал, что «среди прав, которые обыкновенно помещаются в различных декларациях, нет одного, которое по всем данным должно было бы найти место в Символе современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование. Признание этого права имеет не только нравственное, но и юридическое значение»².

Стратегические цели и задачи, стоящие перед Российской Федерацией в современных условиях научно-технологического развития, отчасти предопределены процессом становления правового социального государства. Традиционные вызовы для социальной политики России, обусловленные высоким уровнем бедности, постепенным ростом продолжительности жизни и старением населения, неустойчивыми демографическими реалиями, не утратили актуальности. Это требует переосмысления устоявшихся подходов к реализации социальной функции Российского государства, которая проявляет себя главным образом через систему социальной защиты и социального обеспечения³.

Значимость данной проблемы обусловлена тем, что вся человеческая жизнь в ее естественном, нормальном, здоровом течении есть стремление к определенным материальным и духовным благам.

¹ *Чернобель Г.Т.* Указ. соч. С. 84.

² *Новгородцев П.И.* Право на достойное человеческое существование // Русская философия собственности. СПб., 1993. С. 185.

³ *Антонова Н.В., Еремина О.Ю.* Социальные функции государства: новые векторы развития // Журн. рос. права. 2020. № 12. С. 89—102.

Обеспечение материальных благ для себя и своей семьи является одним из важнейших мотивов поступления граждан на военную службу. И это вполне нормальное явление, поскольку любой труд, в том числе воинский труд, является для трудоспособных граждан основным источником средств к существованию, источником материальных жизненных благ. Право военнослужащих на получение вознаграждения за свой труд полностью соответствует требованиям ч. 3 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, в которой провозглашается, что каждый имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение за свой труд, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и членов его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения. Материальное обеспечение, денежное вознаграждение, с одной стороны, служит сугубо утилитарной цели — обеспечить военнослужащим и их семьям необходимые средства к существованию, является основным источником удовлетворения их материальных потребностей, а с другой — служит средством стимулирования добросовестного воинского труда, который связан со значительными трудностями, тяготами и лишениями.

В связи с изложенным без преувеличения можно сказать, что материальные жизненные блага военнослужащих выступают как важнейшая социальная ценность, как условие их эффективной служебной деятельности. Понятие социального блага как социологическая категория выражает все то, что реально соответствует объективным, естественным потребностям человеческого бытия, удовлетворение которых создает необходимые условия для его поступательного развития. Социальные блага, закрепляемые правом, приобретают нормативную значимость, общеправовую ценность, гарантированную охрану и защиту¹. В нормативном закреплении основных социальных прав военнослужащих, гарантий их социальной защиты наиболее полно проявляется гуманистическая сущность военного права. К сожалению, на практике право военнослужащих России на достойное человеческое существование реализуется подчас не в полной мере.

¹ Чернобель Г.Т. Указ. соч. С. 85—86.

Как справедливо утверждает военный социолог Л.В. Певень, «перед Россией в XXI веке стоит задача смены социальной парадигмы военного строительства: от принципа принудительности в выполнении гражданами своего воинского долга к обеспечению одного из основных прав человека — возможности свободы выбора и возрастанию личной ответственности гражданина за защиту общества и государства»¹. Профессионализация армии требует качественно новых подходов к содержанию и направленности военно-социальной политики, которая в современных условиях становится все более определяющим фактором престижности военной службы, укомплектованности личным составом Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации и в конечном счете их боевой готовности и боеспособности². Заключив контракт о прохождении военной службы, военнослужащий становится равноправным участником правоотношений с государством, поскольку «...наряду с единым правообразующим центром (государством) существует необозримое множество других «центров» — самостоятельных субъектов права, действующих на началах диспозитивности, правовой самостоятельности, юридического равенства между всеми субъектами, включая государственную власть»³.

В системе военно-гражданских отношений утверждение принципа гуманизма в военном праве предполагает создание правовых условий для следующего:

- недопущения использования армии в антигуманных целях, попыток втягивания ее в различного рода политические игры;
- повышения престижа и авторитета военной службы в обществе, осуществления военно-патриотического воспитания граждан;
- реального наполнения социального статуса военнослужащих, полной реализации их права на справедливую оплату воинского труда;
- социальной реабилитации военнослужащих, принимавших участие в вооруженных конфликтах и миротворческих операциях;

¹ Певень Л. На пути к профессиональной армии // Гражданин. 2002. № 4. С. 7.

² Комутков С.В. Армия в системе государственной власти современного общества (на примере России): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 21—22.

³ Алексеев С.С. Избранное. М., 2003. С. 105.

— действенной помощи инвалидам, оказания социальной поддержки семьям погибших военнослужащих, повышения уровня социальной защищенности граждан, уволенных с военной службы.

Не менее важным аспектом человеческого измерения военного права является ограничение правовыми средствами масштабов вооруженного насилия. Гуманизация вооруженной борьбы может достигаться путем ограничения наиболее разрушительных методов ведения вооруженной борьбы; ограничения ее масштабов в пространстве и во времени; сокращения сроков продолжительности войн; количественного уменьшения в операциях соединений и объединений; неприменения тяжелых видов вооружений и военной техники. Цель гуманизации вооруженной борьбы состоит в том, чтобы реализовать по возможности право человека на жизнь. С данной точки зрения, важную гуманистическую функцию выполняют нормы международного гуманитарного права, которые распространяются на военные действия на суше, на море и в воздухе.

Гуманизм и военное право объединяет проблема прав человека в погонах. Принцип «Человек — мера всех вещей» непосредственно относится и к военному праву. В современной России человеческое измерение военного права приобретает особую актуальность. Интересы построения демократического правового государства с рыночной экономикой, обеспечения территориальной целостности, суверенитета и военной безопасности Российской Федерации требуют учиться оценивать военное право человеческой мерой — мерой добра и справедливости.